

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 913

А. Б. Голубь

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

В статье рассматриваются вопросы формирования территории и образа Российского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автором сделана попытка комплексного гео-исторического анализа влияния социо-природной составляющей на образ территории.

Ключевые слова: образ территории, Дальний Восток, Русская Америка, Приамурье, Амурская Калифорния.

С отчуждением Приамурья от Российского государства освоение дальневосточных земель не остановилось, а сместилось в северо-восточном направлении. Всем известны имена В. В. Атласова (1696 г.), которого А. С. Пушкин называл «камчатским Ермаком», Д. Я. Анциферова и И. П. Козыревского (1711 г.) открывших Курильские острова, В. И. Беринга и А. И. Чирикова (1741 г.), Г. И. Шелихова и А. А. Баранова, основателей Российско-американской компании (1799 г.). Это, прежде всего, их героическим трудом Дальний Восток предстал не безжизненной землёй, погружённой во мрак, покрытой льдом и снегами, а землей «нашенской», российской и сказочно богатой. Примером тому может служить описание Атласовым своего путешествия, в котором он отмечает, что по сравнению с закованным во льды и погружённым в сумерки Анадырем Камчатка показалась землепроходцам настоящим раем. Природные условия Камчатки таковы, что за 12 летних дней зонтичные растения достигают высоты 2–3 метров.

Интерес российского государства к Дальнему Востоку был далеко не случайным, так как через дальневосточные земли открывался путь в Южную и Юго-Восточную Азию. Подтверждением этого взгляда служит организация одной из крупных экспедиций первой половины XVIII в. – Великой Северной (или Второй Камчатской), проводившейся с 1733 по 1743 гг.

Голубь Андрей Борисович — кандидат педагогических наук, доцент, директор факультета информационных и промышленных технологий (Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: andreygolub1981@mail.ru

© Голубь А. Б., 2015

Петр I определил генеральную цель этого мероприятия следующим образом: «... то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию... Не будем ли мы в исследованиях такого пути счастливее голландцев и англичан...?» [8].

Целью экспедиции являлось не только достижение Америки, но и Японии, а также исследование и нанесение на карту морского побережья Сибири от устья Печоры до Берингова пролива, выяснение возможности сквозного плавания из Атлантического океана в Тихий. В инструкции М. П. Шпанбергу, который должен был ехать в Японию, говорилось о необходимости всеми мерами расположить к себе японцев, «дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдскость». Всего в составе экспедиции насчитывалось около тысячи человек: штурманы, матросы, геодезисты, рудознатцы, профессора и адъютанты Российской Академии наук, художники, офицеры русского флота и др. специалисты [12, с. 76].

Одним из главных достижений и знаковым событием для российской истории того времени следует считать присоединение к Российской империи Аляски, Алеутских островов в 1742 году¹.

Именно в это время Россия становится единственной в мире державой, расположенной одновременно на двух материках и в трёх частях света (рис. 1). Недаром один из основателей Российско-Американской компании Григорий Шелихов, названный поэтом Г. Р. Державиным «Русским Колумбом», мечтал основать на американском берегу большую русскую колонию с говорящим названием «Славороссия». Его дело продолжил первый главный правитель русских поселений в Америке Александр Баранов — основатель города Ново-Архангельска².

Происходившие в это время события настолько были грандиозны, что оставили свой след не только в учебниках истории, но и в художественной литературе, музыке, театральных постановках. Примером тому может служить рок-опера «Юнона и Авось»³ — названия судов, на которых совершал плавание Н. П. Резанов. Главной сюжетной линией данной оперы является исторический факт прибытия в Сан-Франциско русского Николая Резанова и его любовь к испанской девушке Кончите Аргуэльо.

Тем самым перед нами предстаёт ещё один собирательный образ того времени, когда вполне реальны были контакты русского человека не только с аборигенными народами Северной Америки (алеутами, эскимосами, индейцами), но и с испанцами, англичанами, французами. Таким образом, Россия выходила на глобальный, международный, геополитический уровень контактов государств в Северной Пацифике.

¹ Компетентный представитель царской администрации в Северо-Восточной Сибири Ф. Плениснер: «Если бы о том стараться повелено было, то... от самой Калифорнии даже до последних краёв Северной Америки под Российскую державу все места приведены быть могут, а о успехе в том и сомневаться не должно» [7, с. 78].

² Сегодня г. Ситка, расположенный на острове Баранова Александровского архипелага (штат Аляска). Население — около 9 тысяч человек.

³ Рок-опера «Юнона и Авось» композитора А. Рыбникова по поэме Андрея Вознесенского «Авось», поставлена режиссёром Марком Захаровым (1981 г.).

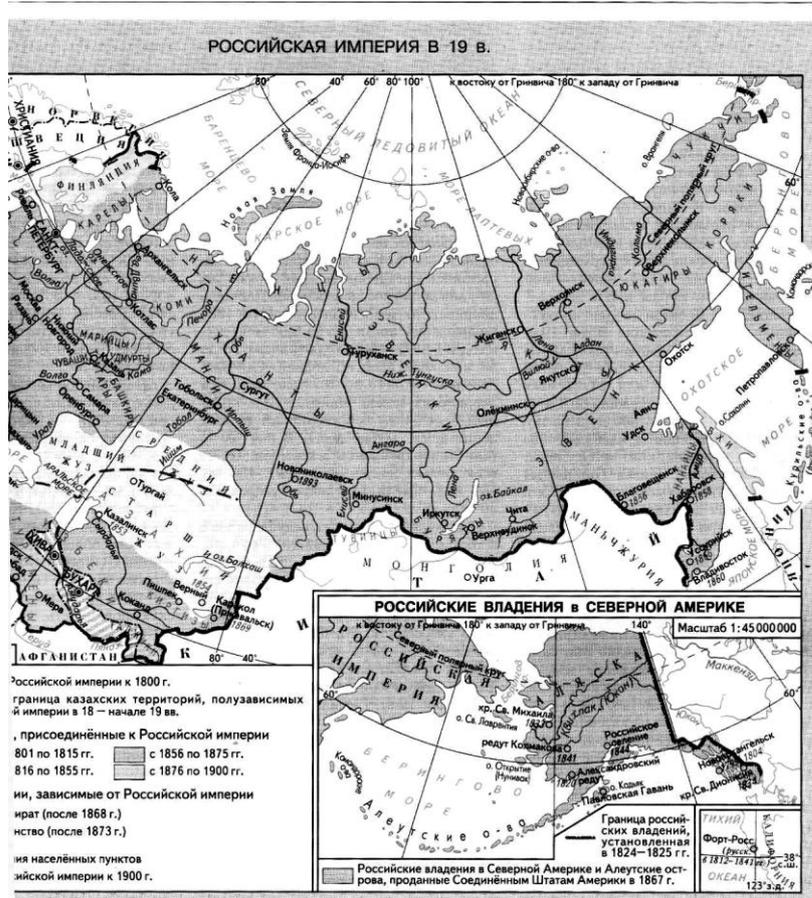

Рис. 1. Российская Империя в XIX веке [15, с. 327]

Значительные успехи России во второй половине XVIII века по исследованию и приобретению территорий на северо-востоке и вдоль побережья Тихого океана стали причиной установления здесь системы более чёткого межгосударственного разграничения. Нерчинский договор (1649 г.), заключённый в условиях слабой изученности Приамурья и прилегающих к нему территорий, уже не отвечал требованиям нового времени. Без принципиального решения «Амурского вопроса» комплексное освоение Дальнего Востока оказывалось практически невозможным.

Ключевую роль в разрешении этой проблемы сыграли два выдающихся государственных деятеля – губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский и капитан русского флота Г. И. Невельской.

Большое значение в формировании складывающегося образа Дальнего Востока в глазах жителей центральной России имели слова Муравьева, сказанные в самом начале «амурских» сплавов: «Амур необходим

для Восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для Западного его края. Потеря устья Амура лишила бы Россию всей Сибири, ибо Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура». Таким образом, Муравьев ставит знак равенства между двумя важнейшими для Российского государства историческими приобретениями – «Петровской Невой» и «Николаевским Амуром» (рис. 2).

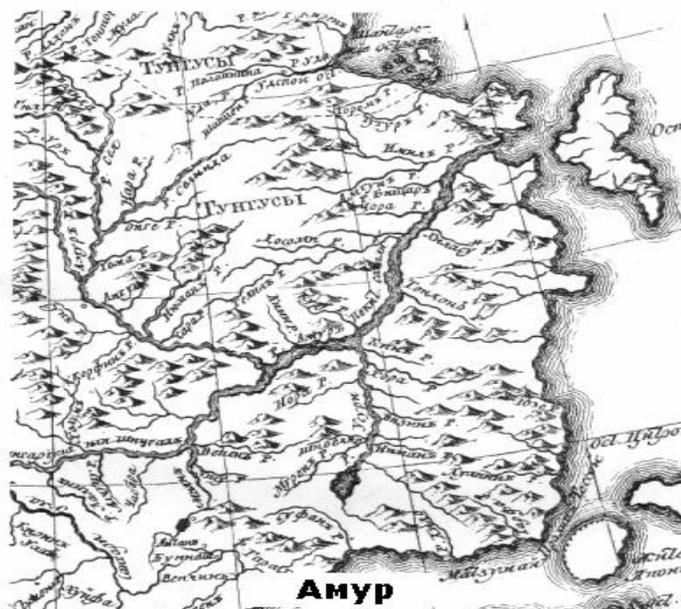

Рис. 2. Карта устья р. Амур второй половины XIX века

Именно с целью закрепления Приамурья за Россией 1 августа 1850 года капитаном Невельским в ходе экспедиции 1849–1855 гг. в устье Амура было основано военно-административное поселение Николаевский пост, позднее ставшее городом Николаевском-на-Амуре. Знаменитыми стали слова Невельского, также подчёркивающие значимость этого события: «После двух веков вновь начали раздаваться наши выстрелы на берегах Амура, но эти выстрелы раздавались не для пролития крови и не для порабощения и грабежа местного населения – нет, выстрелы 1850 года раздавались для приветствия русского знамени! Эти выстрелы приветствовали победу истины над вековым заблуждением! Они приветствовали в пустынях Приамурского края победу цивилизации над невежеством и зарю близкого осуществления мыслей Петра I и Екатерины II на отдалённом нашем Востоке!»¹ [7]. Тем самым Невель-

¹ Г.И. Невельской в 1850 году, вопреки предписанию, основав в устье Амура Николаевский пост, поднял там Российский флаг и объявив о суверенитете России над этими землями и вызвал недовольство и раздражение в правительственных кругах России. Так называемый Особый Комитет счёл его поступок дерзостью, достойной разжалования в матросы, о чём

ской подчёркивает приход западной (европейской) цивилизации и соответственно прогресса на Дальний Восток.

В конце 1850-х гг. начался следующий, так называемый «приморский» этап закрепления дальневосточных рубежей за Россией. В этом процессе приняли участие десятки кораблей Сибирской флотилии и Тихоокеанской эскадры¹. Во многом благодаря морякам формировалась русскоязычная топонимия прибрежной территории. Так, в частности, в 1857 г. экипаж парохода-корвета «Америка» открыл и назвал залив Святого Владимира, а порт Михаил Сеймур переименовал в залив Святой Ольги². В 1858–59 гг., при обследовании клипером «Стрелок» южного Приморья, получили названия: залив Стрелок, острова Аскольд и Путятин.

Во время экспедиции 1859 г. генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьёва-Амурского получили названия следующие объекты: залив Петра Великого (включил в себя залив Виктории), Амурский (бывший Герен), Уссурийский (бывший Наполеон), Америка (бывший Горнет), бухта Золотой Рог (бывший порт Мэй), пролив Босфор-Восточный (бывший Гамелен) и другие. Эти названия закрепляют на международной арене образ Дальнего Востока как российской земли.

В 1858 году между Россией и Цинской империей был подписан Айгунский договор, а в 1860 году — Пекинский, определившие границу двух сопредельных государств по Амуру, Уссури и на Приханкайской равнине. Таким образом, к 1860 году Россия окончательно закрепила за собой Приамурский и Приморский края, открытые русскими людьми еще в XVII–XVIII веках. Именно с этого момента началась активная колонизация этих земель, и территория российского Дальнего Востока приобрела в основном знакомые нам ныне очертания.

Стремительно изменяется не только территориальная конфигурация, но и сам образ земли Дальневосточной.

С самого начала присоединения Приамурья и Приморья к России правительство ставило задачу ускоренного заселения этих земель. Численность населения здесь возрастала быстрыми темпами не только за счёт естественного прироста, но и за счёт мигрантов. В общей сложности за время с 1860 до 1897 г. (когда была проведена первая всероссийская перепись населения) численность жителей Забайкалья возросла в 3 раза, Приморья — в 18 раз, Амурской области — в 23,5 раза [4].

Казачье переселение (1855–1862 — время амурских сплавов) носило в своей основе скорее принудительный, чем добровольный характер. За 5 сплавов, организованных Н. Н. Муравьёвым-Амурским, на террито-

и было доложено императору Николаю I. Однако, выслушав доклад Муравьёва Н. Н., Николай I назвал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим», а на доклад Особого Комитета наложил знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

¹ 42 корабля эскадры увековечены в 60 названиях (залив Восток, бухты Абрек, Витязь и др.). Имена 211 военных моряков закрепились на карте побережья края в 313 названиях (мыс Лихачёва, остров Попова, бухта Бабкина, камни Клыкова, банка Бонсдорфа и др.).

² Открыли залив в 1855 г. экипажи английских кораблей «Винчестер» и «Барракуда» и назвали его порт Михаил Сеймур по фамилии своего адмирала.

рию Приамурья водворилось около 17 тыс. человек, которые основали по Амуру 67 станиц, а в целом по всему югу Дальнего Востока было основано 1870 станиц, посёлков, заимок и деревень [14]. Понятно, что именно казаки первыми создавали особый образ этой территории, включающий в себя несколько составляющих:

– исторической преемственности. Так, Г. И. Невельской писал: «Новосёлы, осевшие в районе Албазина, строя свои дома и распахивая пашни, находили в земле изъеденные ржавчиной остатки топоров, заступов и плугов – этого основного оружия русских крестьян середины XVII века и тем самым убеждались, что они не случайные люди в этом крае, что они лишь продолжают начатое дело» [9, с. 162];

– «земли защищённой» – образ, который предназначался для предупреждающей трансляции в зарубежные государства, в первую очередь, – Великобританию, как главного на то время геополитического противника России.

Неслучайно в названиях казачьих станиц на Амуре нашли отражение как реальные исторические персоналии прошлого и настоящего, так и героическая тематика. Только на землях нынешней Еврейской автономной области известно большое количество таких названий: станицы Пашково, названной так в честь Афанасия Пашкова – нерчинского воеводы, руководителя походов казаков по открытию и освоению Амурского речного пути; Помпеевка и Пузино, названные в честь Помпия Поликарповича Пузина, казачьего офицера, отразившего в 1855 г. английский морской десант в бухте Де-Кастри; Екатерино-Никольская и Михайло-Семёновская (современное Ленинское), получившие названия в честь жены Н. Н. Муравьева-Амурского Екатерины Николаевны и его ближайшего сподвижника Михаила Семёновича Корсакова; Нагибово и Квашнино, названные в честь И. Нагибы и И. Квашнина, сподвижников Ерофея Хабарова; Дежнёвка, названная в честь Семёна Дежнёва, открывшего в 1648 году Берингов пролив [3].

В то же время следует учесть, что переселение казаков на Амур из Забайкалья было в основе своей принудительным и это изначально не могло не нести определённого негативного отпечатка. Трудно проходила адаптация новоселенцев к дальневосточным условиям (муссонный климат, резкий подъём уровня рек, гнус, повышенная заболоченность местности и т. д.).

Примером тому могут служить записки Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае 1867 – 1869 гг.», в которых автор приводит высказывания о трудностях жизни первопоселенцев на Дальнем Востоке: «Вообще наружный вид казацких станиц далеко не привлекателен, но ещё более незавидно положение их обитателей. Эти казаки были переселены сюда в период 1858 – 1862 годов из Забайкалья, где они выбирались по жребию, волей или неволей должны были бросить свою родину и идти в новый, неведомый для них край. Таким образом, казаки с пер-

вого раза стали смотреть враждебно на новый край, а на себя самих как на ссыльных. Дальнейшее десятилетнее житье нисколько не переменяло таких воззрений и не улучшило их положения. Как прежде, так и теперь везде на Уссури слышны горькие жалобы на разные невзгоды и тоскливое воспоминание о прежних покинутых местах. Какое тут житьё, обыкновенно говорят казаки, зимой есть нечего, с голоду умирай, а летом от гнусу ни самому, ни скотине деться некуда. Вот в Забайкалье было хорошо. Пропади она совсем, эта Уссури! Так бы всё и бросили и пешком бы пошли назад в Забайкалье» [13, с. 43].

Эти и подобные рассказы можно было услышать не только на Уссури, но и во многих амурских станицах: везде недовольство, жалобы, тоска о прежней жизни в Забайкалье. Понятно, что всё это не способствовало формированию позитивного образа региона, прежде всего внутри страны.

Неслучайно в 1859 году правительством предпринимаются значительные меры по плановому переселению государственных крестьян из внутренних губерний России на Амур. С этого времени на Дальнем Востоке появились первые крестьянские поселения. В отличие от казаков, крестьяне переселялись на Дальний Восток в более массовом порядке и на добровольной основе. Особо большой размах крестьянское переселение достигло в период с 1907 по 1913 гг. во время столыпинской аграрной реформы, когда среднегодовые темпы переселенческого движения составляли свыше 40 тыс. человек.

Крестьяне-переселенцы принесли с собой на Дальний Восток традиционный уклад жизни: возделывание зерновых, занятие животноводством. Большое значение имели традиционные ремёсла: в каждом селе имелись свои кузнецы, кожевники, столяры, бондари, гончары и плотники. Тем самым людьми воспроизводился традиционный образ крестьянской России. Он нашёл отражение и в названиях возникавших сел. Как правило, крестьяне-переселенцы давали названия либо в память о своих родных местах, либо по характерным чертам природы на новом месте, также названия носили персонифицированный характер — по имени или фамилии ходяков и известных односельчан. Примером тому служат села юга Дальнего Востока: Волочаевка (первый житель Макар Волочай), Даниловка (первый житель — дед Данила) (1900), Абрамовка (1893), Андреевка (1865), Григорьевка (1883), Русская Поляна, Александровка, Алексеевка (1910), Михайло-Архангельское (1911), Угловое, Степное (1912–1913) и т. д.

Эту тенденцию в названиях сельских населённых пунктов можно проследить и на конкретных примерах Амурской области и Приморского края: Астрахановка (1859), Киевка (1907), Крым (1907), Лифляндское (1899), Пермское (1860), Полтавская (1879), Самарка (1908), Черниговка (1886) и др.

Тем самым формируемому переселенцами образу Дальнего Востока как бы придавались среднероссийские черты. Но вместе с тем он дополнялся и видоизменялся за счёт таких новых нюансов, как:

– прибытие в регион староверов, представителей иных течений христианства (молокан, духоборов, прыгунов, скопцов, хлыстунов) и других вероисповеданий (мусульман, иудеев, буддистов) из Европейской России и Сибири. Благодаря им возникли населённые пункты Циммермановка¹, Богополь (1907), Богуславка (1909), Ильинка (1870), Монастырище (1887), Крещенка, Воскресенка, Воздвиженка, Покровка, Новопокровка и др.;

– решение правительства о допуске на свободные земли Дальневосточного края корейских переселенцев при условии принятия ими российского подданства. Отличительной чертой данного переселения является появление на российском Дальнем Востоке так называемого «грядкового» земледелия, а также специфической архитектуры, обычаев и традиций, которые сосредоточивались в сёлах Тизинхэ (современная Рязановка), Сидими (современное Безверхово), Верхнее и Нижнее Адими (современное Ромашка) [8]. На территории нынешней Еврейской автономной области размещались корейские сёла Благословенное, Ин-Корейский, Ли Манган, Нам-Кын, Пак-Дерпи и Ким-Цена².

– сохранение в регионе разнообразной и экзотичной для европейцев аборигенной составляющей с её оригинальной культурой и традиционным образом жизни, местами концентрации которых стали нанайские поселения Дапшы, Джуен, Хурба, Эльбан, эвенкийские Манома, Кукан, нивхское Маго, ульчские Булава и Солонцы, ороческие Дата, Уська-Орочское.

Своеобразный мир дальневосточных аборигенов привлекал к себе внимание многих деятелей искусства, в числе которых можно назвать имена В. К. Арсеньева, Г. А. Федосеева, В. И. Клипеля, П. С. Комарова, С. Г. Феоктистова, В. П. Сысоева. Как писал Арсеньев, что нельзя не полюбить этих простых людей, прежде всего за их смелость, за мужество, за глубокое знание ими природы, растений и животных. За их бережное, гуманное отношение к природе, ко всему живому, за их заботу обо всех окружающих и даже незнакомых путниках, за готовность помочь любому живому существу, попавшему в беду [3].

Наряду с автохтонной составляющей процесс становления образа Дальневосточного края невозможно себе представить без отражения жизни его некоренного населения.

Уже в начале XX века заметное место в переселенческом потоке занимали промышленные рабочие. По мнению историка Б. В. Тихонова, наряду с быстрым ростом численности крестьянства происходил параллельный, ещё более сильный рост городского и вообще неземледельческого населения [15]. Этому активно способствовало открытие на Амуре месторождений каменного угля и золота, строительство Транссибирской

¹ посёлок сельского типа в Ульчском районе Хабаровского края, старейший населённый пункт на Нижнем Амуре. Возникло в 1863 году на правом берегу Амура. Название своё село получило по имени первого начальника почтовой станции Абрама Циммермана. По состоянию на 2011 год в посёлке проживает 1495 жителей [1].

² В ходе программы по ликвидации на карте Дальнего Востока китайских названий 1972 г. многие корейские населённые пункты также были ликвидированы или переименованы.

железнодорожной магистрали, создание промышленных центров и крупных городов: Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, Никольск-Уссурийского (современный Уссурийск), Николаевска-на-Амуре.

В связи с этим обстоятельством, огромную роль имел тот факт, что наряду с добровольным переселением правительство придавало особое значение такой форме переселения, как штрафная колонизация. Заметную роль она играла для таких территорий, как Сахалин, Амурская и Приморская области. Только по данным за 1900 год, на Дальний Восток прибыло порядка 23 000 заключенных. Несомненно, что такая огромная по дальневосточным меркам масса людей привнесла на данную территорию особенности своей «тюремной» культуры.

Примерами широкого использования каторжного труда служит строительство Амурской «колесухи» (или «Царской дороги») в Среднем Приамурье, Амурской железной дороги, железнодорожного моста через Амур близ Хабаровска. А поскольку условия жизни и труда заключённых на Дальнем Востоке были очень тяжёлыми, в криминальной среде России широко распространились следующие поговорки: «Кто на Амуре не бывал, тот и горя не видал», «Кругом вода, а посередине беда».

Также специфической чертой складывавшегося образа Дальнего Востока следует считать военную составляющую. Солдаты и матросы были среди самых первых поселенцев Амура, Сахалина, Южно-Уссурийского края. Именно военные люди стали основателями многих крупных населённых пунктов Дальнего Востока, включая все без исключения его крупные города.

В произведении В. Пикуля «Три возраста Окини-сан» морские офицеры Владивостокского гарнизона говорили о Дальнем Востоке что попасть к нам тяжело — уехать от нас просто невозможно [10]. Численность личного состава вооружённых сил в регионе постоянно наращивалась и к 1914 году достигла свыше 100 тыс. человек [12]. Поэтому неудивительно, что в процессе наименования населённых пунктов нашла широкое отражение память о полководцах и выдающихся исторических событиях. Примерами тому служат заливы Ольга, Амурский и Славянский, остров Русский, город Владивосток (1860), сёла Невское (1901), Суворово (1911) и др.

Таким образом, военная составляющая закладывала один из важнейших компонентов в будущем имидже территории как передового опорного военного поста России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это было тем более важно, что в то время российский Дальний Восток параллельно с волнами отечественных мигрантов оказался в сфере активной зарубежной миграции из Китая, Кореи, Японии, а также некоторых государств Европы и Америки. Кроме того, по Айгуньскому договору в Приамурье оставались проживать 10,5 тыс. подданных Империи Цин, так называемых «зазейских маньчжуров». Основной вид деятельности иностранных рабочих был связан с работой на золотоносных приисках, лесозаготовках и морских промыслах, а в городах и рабочих посёлках со всевозможным строительством, работой на угольных копях и в каменоломнях.

Именно в связи с развитием золотодобычи в Приамурье следует подробнее остановиться на существовании самопровозглашённой Желтугинской Республики, или, как её тогда образно называли, «Амурской Калифорнии». Это был редкий пример того, как люди разных национальностей и различного подданства самостоятельно осваивали сопредельную с Россией территорию к югу от Амура.

Раскрывая суть этого явления, необходимо напомнить, что в конце XIX века Забайкалье, Приамурье и северо-восток Маньчжурии привлекали со всех концов России потоки «искателей счастья», породив тем самым сибирско-маньчжурский вариант американской «золотой лихорадки».

В целом «ватаги» золотоискателей представляли собой никем из официальных властей не контролируемые, внутренне слабо организованные, не взаимодействовавшие (напротив — часто враждовавшие) между собой группировки. Но в их стихийно возникшем посёлке Желтуга (назван по месту своего расположения на одноимённой реке, современной Мохэ), эти полукриминальные сообщества начали приобретать упорядоченный вид. Через достаточно короткое время таковой принял форму «настоящего» государственного образования. Для более полного образного представления о нём следует привести несколько цифр и фактов:

— слухи о богатстве Желтугинского прииска распространились по всему Амуру и Забайкалью, вызвав огромный приток переселенцев. Если в 1883 г. его население составляло около 120 человек, то в 1884 г. оно достигло 7 тысяч, а в 1885 г. превысило 10 тысяч [15];

— национальный состав «республики» был исключительно пёстрым. Здесь проживали: русские, китайцы, корейцы, орофоны, евреи, немцы, французы, поляки, американцы, сибирские инородцы и много представителей других национальностей. Их «президентом» был чех [5; 6].

Образ Желтугинской республики передан В. С. Пикулем в одноимённом произведении, где описаны нравы людей, охваченных страстью поиска золота. Он пишет, что Старая истина: где золото, там и кровища. Нравы были таковы, что, ложась спать, никогда не знаешь — проснёшься ли завтра? Вокруг лагеря старателей бродили подозрительные искатели женьшеня, больше смахивающие на хунзузов, шныряли в тайге неутомимые спиртоносы, таскавшие на спинах громадные бидоны с рисовой самогонкой. По вечерам, напившись этой ханжи, желтухинцы озверело убивали друг друга — в одиночку и скопом. Все ужасы американского Клондайка казались детской игрой по сравнению с теми нравами, что процветали на этой речушке... [11].

Но отличительной особенностью «амурских калифорнийцев» было то, что жизнь на приисках менялась очень быстро. От каторжных нравов их среда в короткий срок начала «дрейфовать» в сторону упорядоченных отношений.

Уже к 1884 г. эта республика административно делилась на 5 штатов. Их возглавляли выборные «старосты», которые подчинялись «президенту».

ту». Республиканцы разработали и узаконили собственную Конституцию.

Но жизнь распорядилась по-своему. В январе 1886 г. маньчжурская регулярная армия разогнала это незаконное поселение. Русских, европейцев и американцев депортировали в Россию. Китайцы были казнены.

Неоднозначно можно оценить и влияние образа «Амурской Калифорнии» для всего Приамурья. С одной стороны, эта «республика», несомненно, создавала имидж Приамурья как края невероятных человеческих возможностей, края, где золото просто лежит под ногами и где создать капитал можно в очень короткое время. С другой стороны, именно такой «легковесный» образ спровоцировал собой отток большой доли и без того дефицитных рабочих рук из сфер дальневосточной промышленности, сельского хозяйства и торговли.

Из официальных источников того времени стало известно, что за 200 вёрст от Желтуги большинство сельских поселений просто были опустошены – все крестьяне отправились на золотые прииски. Их отток был столь велик, что возникла реальная угроза голода во всём Забайкалье и в Приамурье. Даже после разгона желтугинцев этот регион ещё очень долго не мог вернуться к прежнему образу жизни. Воспоминания о лёгкой наживе мешали местному населению заняться прежним трудом, что спровоцировало разгул преступности, падение производительности всех отраслей промышленности и общее обеднение края.

Завершая анализ этого этапа формирования образа Дальнего Востока, можно сделать вывод, что на него пришлась закладка таких фундаментальных основ видения этой территории как:

– по праву возвращённой в состав России и с тех пор надёжно ею защищённой;

– заселённой людьми самых разных национальностей, культур и исповедования. Вот почему в отношениях между людьми дальневосточникам свойственны черты толерантности и веротерпимости.

Вместе с тем наряду с этими позитивными чертами в создаваемом образе Дальнего Востока тогда же проявились и такие негативные моменты, как:

– формирование чувства заброшенности, удалённости и оторванности от «материнской земли»;

– понимание того, что эта территория с её природными богатствами и специфическими и достаточно суровыми (не характерными для европейцев) природно-климатическими условиями не гарантирует им беззаботной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия»/ гл. ред. Ю. С. Осипов. 2004. 1008 с.
2. Бородина Е. А. Имя на карте Хабаровского края: учебное пособие для студентов. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во. КГПУ, 2000. 80 с.

3. Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. // Русская Старина. 1879. Т. XXIV. С. 81–112.
4. Галлямова Л. И. Миграции как фактор освоения российского Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Демографическая ситуация и миграционная политика в Приамурье: социально-экономические, правовые и медико-экологические аспекты: материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2006. С. 72–73.
5. Курто О. Амурская Калифорния, или Желтугинская Республика [электронный ресурс] URL: <http://magazeta.com/2010/02/amur-caliornia>
6. Лиходеев С. Амурская Калифорния. История Желтуги [электронный ресурс]. URL: <http://lihodeev.livejournal.com/51823.html> (дата обращения 22.10.2015).
7. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849–1855. Владивосток: Приморское краевое изд-во, 1947. 494 с.
8. Пашков Б. Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862-1917 гг. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с.
9. Петров А. И. Амурский щит. Хабаровское книжное изд-во 1974. 415 с.
10. Пикуль В. С. Крейсера. Три возраста Окини-сан. Романы / Сост. А. Пикуль. М.: Вече, АСТ, 2003. 672 с.
11. Пикуль В. С. Тайный советник. Исторические миниатюры. М.: АСТ; Вече, 2002. 592 с.
12. Плохих С. В., Ковалева З. А. История Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 244 с.
13. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. М.: Географгиз, 1947. 334 с.
14. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. 128 с.
15. Скрипко К. А., Семенова Л. Д., Снакин В. В., Березнер О. С. Амурская Калифорния – малоизвестная страница истории добычи золота в Приамурье в фотографиях из архива Музея Землеведения МГУ // История наук о Земле. 2009. Т. 2. № 2. С. 53–77.

* * *

Golub Andrey B.**THE COLONIAL PERIOD FORMING THE IMAGE FAR EAST REGION**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

In connection with the signing of the Treaty of Nerchinsk in 1689 and the transfer of the Qing Empire Amur region one of the most important tasks in international politics was the return of Russia Amur region. In this regard, the Russian government takes unprecedented steps mastering North-East Asia and the west coast of North America.

By 1860 Russia finally secured the Amur and Primorye Territory, open Russian people still in XVII–XVIII centuries. From that moment began active colonization of these lands.

In this historical period, there was a tab fundamentals vision of Far East region:

— For the right to return to Russia and since then it is securely protected;

— Inhabited by people of different nationalities, cultures and practice a.

Along with these positive traits to create an image of the Far East at the same time appeared and negative aspects such as:

— Create a sense of abandonment, remoteness and isolation from the «mother earth»;

— Understanding that this area with its natural resources and specific and severe enough (not typical for Europeans) climatic conditions does not guarantee them a carefree life.

The author attempts to analyze the formation of the geopolitical image of the Russian Far East in the eighteenth century.

Keywords: image of the territory, the Far East, Russian America, Amur region, Amur California.

REFERENCES

1. Borodina E. A. *The name on the map of Khabarovsk territory: the textbook for students.* Komsomolsk-on-Amur: Publishing House of Komsomolsk-on-Amur gos. ped. University Press, 2000, 80 p.
2. Venyukov M. I. *Memories of the population of the Amur River in the 1857–1858 biennium.* Russian Antiquity ed. 1879 m. XXIV, pp. 81–112.
3. Gallyamova L. I. Migration as a factor of development of the Russian Far East (the second half of XIX – early XX century. Materials of regional scientific-practical conference «The demographic situation and migration policies in the Amur region: the socio-economic, legal, medical and environmental aspects» Blagoveshchensk 2006 P. 72–73
4. *The Internet – resource* <http://lihodeev.livejournal.com/51823.html> Likhodeev S. Amur California. History Zheltugi 2004
5. *Internet – resource* <http://magazeta.com/2010/02/amur-caliornia> Courtauld O. Amur California, or Zheltuginskaya Republic
6. Nevel'skoy G. I. *Feats of Russian naval officers in the far east of Russia 1849 – 1855.* Primorye regional publishing house in 1947. p. 494
7. Pashkov B. G. *Russia – Russia – Russian Empire. Chronicle boards and events* gg. M.: 1862–1917 TsentrKom, 1997. 640 p.
8. Petrov A. I. *Amur shield.* Khabarovsk, book publishing in, 1974, p. 415
9. Pikul' B. C. *Cruisers. Three age Okini-san. Novels / Comp. A. Pikul.* M.: Veche, ACT, 2003, 672 p.
10. Pikul' B. C. *Privy Councillor. Historical Miniatures* Publ: AST, Veche, 2002, 592 p.
11. Plokhikh S. V., Kovaleva Z. A. *The history of the Russian Far East* Publishing House of the Far Eastern National University Vladivostok, 2002, p. 244
12. Przheval'skiy, N. M. *Travel to Ussuri region. 1867 – 1869 years.* M.: Geografgiz, 1947, 334 p.
13. Sergeev O. I. *Cossacks in the Russian Far East in XVII – XIX centuries.* M., 1983, 128 p.
14. Skripko K. A., Semenova L. D., Snakin V. V., Berezner O. S. Amur California – a little-known chapter in the history of gold mining in the Amur region in photos from the archives of the Museum of the Moscow State University geography. *History of Earth Sciences*, 2009, vol. 2, no 2, pp. 53–77.

* * *